

КАРТИНА ПОЛУЧИЛАСЬ...

Воспоминания о встречах со звездами

*Независимая пресса - 1999 -
3 апр. - с. 9, 11*

Георгий Натансон

Времени нет, есть только мгновения. А в нем-то, в этом мгновении, вся наша жизнь.
Лев Толстой

ИВАН ПЫРЬЕВ: КУБАНСКИЕ МЕЧТЫ

ВОЙНА застала меня студентом режиссерского факультета ВГИКа. Институт эвакуировали в Алма-Ату, настали тяжелые времена. Ели мы одну «загируху», состоящую на 70 процентов из отрубей и процентов на 30 из муки. Хорошо жили студенты художественного факультета, они так ловко подделывали продуктовые карточки, что этого никто не

Один из старейших советских кинорежиссеров Георгий Григорьевич Натансон родился в 1921 году. В 1944-м окончил режиссерский факультет ВГИКа. В кино работает с 1941 г., был ассистентом и вторым режиссером Ивана Пырьева, Всеволода Лудовкина, Александра Довженко, Константина Юдина, Александра Птушко, Андрея Тарковского. Снял фильмы «Белая акация» (1957), «Шумный день» (1960, совместно Анатолием Эфросом), «Все остается людям» (1963), «Старшая сестра» (1966), «Еще раз про любовь» (1968), «Посол Советского Союза» (1970), «Валентин и Валентина» (1985) и др. Народный артист России, лауреат Государственной премии СССР.

Три года назад в соавторстве с драматургом Самуилом Алешиним Георгий Натансон написал сценарий «Весь я не умру», посвященный жизни и творчеству Михаила Булгакова. Сценарий был принят, но фильм остановлен из-за отсутствия денег. С тех пор режиссер занят поиском средств.

замечал, полученный хлеб они продавали на рынке, это были бешеные деньги, на которые можно было купить молоко, а иногда даже и мясо. Мы могли им только завидовать.

Спустя некоторое время я пришел проситься на Центральную студию художественных фильмов, в которую входили и «Мосфильм», и «Ленфильм». Меня приняли. Я стал ассистентом режиссера Ефима Дзигана, прославившегося картиной «Мы из Кронштадта». Мы начали снимать, первый материал был показан художественному совету, оценка была резко отрицательной. В результате Дзигана безжалостно с картины сняли. Вскоре стало известно, что фильм передают Пырьеву.

После этого известия практически вся группа сбежала. О Пырьеве говорили, что он большой антисемит и хулиган. Поэтому бежали не только евреи, но и русские, боявшиеся известного матерщинника и грубияна. Я не ушел. При первом появлении Пырьева я страшно волновался, он спросил, кто я и что собираюсь

делать на картине. Я ответил, что очень хотел бы работать или со вторым планом, или с масовкой. Пырьев ответил: «У нас будет много задействовано пиротехники, вы будете моим ассистентом по пиротехнике».

Я стал не ассистентом по пиротехнике, я оказался самым обычным пиротехником, иногда даже помощником пиротехника. Снимались фронтальные события, у нас были настоящие военные дымовые шашки, которые надевались на палку и поджигались, шашки страшно шипели и давали сильный дым. Так вот, я где-то маячил с этой шашкой, а Пырьев кричал в металлический рупор: «Жора! Направо!» Я бежал, конечно же, налево, до меня доносилось: «Жора! Беги туда, где твоя жопа!» Я бежал в обратную сторону.

Пырьев ко мне относился очень хорошо. Я тогда впервые почувствовал подхалимаж со стороны многих людей на киностудии, чтобы я хлопотал перед Иваном Александровичем по тому или иному поводу. От него действительно многое зависело...

Александр Лазарев, Георгий Натансон и Татьяна Доронина на съемках фильма «Иван Пырьев: Кубанские мечты»

Однажды он мне дал записку в какой-то «сбытснаб» и сказал, чтобы я взял там масло и сыр. Я пришел, и мне выдали по килограмму этих драгоценных продуктов. Сегодня меня мало кто поймет, но я возвращался в

страшной тревоге, боялся, что у меня могут отнять такое богатство. Все обошлось благополучно. А в конце дня Иван Александрович позвал меня и отрезал граммов по сто сыра и масла.

Как-то раз он мне сказал: «Сегодня ты не пойдешь домой. Сходи в библиотеку и возьми побольше газет». Мы их расстелили на полу, Пырьев говорит: «Будем спать здесь». Я спрашиваю: «Почему?» — «Я поспорил с Мариной». Мы ночевали на студии неделю, пока они с Мариной Лядьиной не помирились.

Вскоре мы закончили картину. Это был «Секретарь райкома» с изумительным актером Ванниным в главной роли. По возвращении в Москву Пырьев взял меня на фильм «В шесть часов вечера после войны».

Пырьев был очень искренним народным человеком. В нем совершенно отсутствовало приспособленчество. Он долгое время не был членом партии, вступил в нее, когда его назначили директором «Мосфильма». Он принимал реальность, верил в светлое будущее. Снимая «Кубанских казаков», он реализовывал свою мечту, хотел, чтобы жизнь была именно такой...

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО: ЖИЗНЬ В ЦВЕТУ

По рекомендации Пырьева я попал к Александру Петровичу Довженко, который начинал тогда работать над картиной «Жизнь в цвету» о Мичурине. Я был просто восхищен внешностью Александра Петровича: это был необыкновенно красивый человек. Фильм снимался в Мичуринске. Мы с Александром Петровичем жили в палатке, стоящей прямо в саду. Он столько мне рассказывал об Украине, что я не мог в нее не влюбиться. Потом стал рассказывать о Сталине.

На 15-летие советского кино Довженко получал орден из рук Калинина. В этот момент Сталин подал реплику: «За вами, товарищ Довженко, украинский Чапаев». Так возникла идея фильма «Шорс». В Киеве специально построили огромную киностудию, Довженко посылал на ее территории яблоневый сад. Александр Петрович снял «Шорса» — картину, по моему, очень сильную и поэтическую, с замечательными героями. Фильм отправили Сталину, а тот пригласил Довженко для совместного просмотра. «Шорс» произвел на Сталина грандиозное впечатление, он долго не отпустил... (Окончание на стр. 11)

она принесла на матч с чемпионом мира было выиграно этот чемпионский титул. Не М. Пушкин.

(Окончание. Начало на стр. 9)

КАРТИНА ПОЛУЧИЛАСЬ...

ал Довженко, они даже пели украинские песни. Было уже поздно, Александр Петрович стал прощаться, но Сталин собрал его проводить. И пешком пошел провожать (охрана ехала в машине) прямо до дома на Метростроевской улице, где жил Довженко! Так он был восхищен фильмом.

Все переменялось в их отношениях, когда Сталин прочитал сценарий Довженко «Украина в огне». Он был просто взбешен, назвал Довженко украинским националистом, увидев в сценарии мотив борьбы не за освобождение Советского Союза, а своей родной Украины. Так они стали врагами. Довженко не давали работать, над ним сгустились тучи. Во ВГИКе в кабинете режиссуры на стене висели портреты выдающихся режиссеров, в том числе и Александра Петровича. Однажды во время занятий к нам приехал заместитель председателя Госкино Лукашов и приказал снять портрет Довженко. Никто из студентов не двинулся, все промолчало, тогда толстяк Лукашов полез на стул и сам снял портрет.

Мои поиски и там были безуспешными. Как-то проходя мимо фотоателье, я в витрине увидел фотографию удивительно красивой девушки, узнал ее адрес, оказалось, что она учится на актерском факультете в Ленинграде. Я поехал в Ленинград, нашел ее, предложил познакомиться на роль в нашем фильме. Это была Тамара Чернова, впоследствии известная актриса. В день нашего отъезда в Москву она мне сообщает, что не может ехать, потому что ее должны судить за аборт. Я уговорил ее все же поехать, Юдин практически сразу утвердил ее на роль. Мне пришлось еще раз ехать в Ленинград и убеждать судьбу смягчить наказание, что было не просто, поскольку Тамара отказывалась ска-

вич на съемках ни разу не был. Фильм закончили, его посмотрел Большаков и сказал: «Ну вот, совсем другое дело! Как вам помог товарищ Юткевич!» Потом картину посмотрел Сталин, через некоторое время Юдин получил Сталинскую премию.

НИКОЛАЙ ЧЕРКАСОВ: ИВАН ГРОЗНЫЙ — ДВОРНИК?

Однажды я увидел в Художественном театре спектакль по пьесе Самуила Алешина «Все остается людям» и подумал, что по ней можно было бы снять хороший философский фильм. Мы с Алешиним вскоре написали сценарий и представили его художественному совету «Мосфильма». Иван Александрович Пырьев высказался так: «Это муть! Это болтовня! Смотреть это никто не будет. Ну неужели ты у меня ничему не научился, Жора! Ты же все-таки со мной сделал две картины! Что же ты полез в какую-то...» (говорил он грубо). Раз директор «Мосфильма» сказал, это было непреложно. После этого Алешин каким-то образом договорился с директором Ленфильма и нас позвали работать в Ленинград. Там возникли проблемы с утверждением Николая Черкасова, которого я решил пригласить на роль Дронова. Говорили, что он — творческий труп, что он — Актер Актерич, который не играет, а декламирует и пр. Меня это поразило: о великом Черкасове — такое!

Мы с ним познакомились, это был интереснейший интеллигентнейший человек. Я часто бывал у него дома, мы много разговаривали. Он рассказывал о своих работах, о встречах со Сталиным. Вот одна из ярких историй.

Картина получилась интересной, мы начали ее славить. На «Ленфильме» стали требовать вырезать сцену спора Дронова со священником — ключевую в фильме, потому что вроде бы священник в этом споре побеждал. Ее удалось сохранить перед обязательными в те времена показом в обкоме партии, хотя директор «Ленфильма» был уверен, что его снимут с работы. Однако тогдашний секретарь Ленинградского обкома Толстикова отнесся к нашей картине благосклонно, она пошла в Москву в ЦК партии. С трепетом мы ждали заключения. И вот нам сообщают: Никита Сергеевич посмотрел картину, и она ему понравилась. Фильму была присвоена высшая категория, а это были по тем временам немалые деньги — можно было купить «Волгу». Что я и сделал.

ЕКАТЕРИНА ФУРЦЕВА: ФИРЫ И ВЕРЫ — НЕ ДУРЫ БЕЗ МЕРЫ!

В 1960 году мы с Анатолием Эфросом сняли фильм «Шумный день» по пьесе Виктора Розова «В поисках радости». Его мы должны были сдавать министру культуры Екатерине Алексеевне Фурцевой, тогда Госкино не было, существовал в министерстве Главк художественных фильмов. Мы привезли картину в министерство, подготовились к просмотру. Когда я увидел Екатерину Алексеевну, она мне сразу понравилась как женщина: миниатюрная, приятная, скромно, но со вкусом одетая. Она вошла в большой просмотровый зал, поздоровалась, села в кресло и подобрала под себя ножки. Посмотрела картину, зажгла свет, она молчит. Через некоторое время обратилась ко мне: «Вы, товарищ Натансон, друго-

Екатерина Фурцева и Сергей Юткевич.
Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

зал, что все имена можно менять на итальянские, получите нормальный неореалистический фильм. Мы пошли к Фурцевой, спор продолжился. Надо сказать, что ни Розов, ни Эфрос на сдачу не пришли, пришлось мне спорить одному. Через какое-то время Фурцева говорит: «Вызовите товарища Демичева» (это первый секретарь Московского горкома партии). Приехал Демичев, посмотрел картину, и она ему понравилась. Мы пошли к Екатерине Алексеевне, и Демичев высказал добрые слова о нашей работе. Картина была спасена! Фурцева довольно прохладно сказала, чтобы мы ждали заключения. Через несколько дней пришло заключение, в котором содержалось требование убрать ругательство. Розов переделал на «все Фирмы и Веры глупы без меры». Каково! Этот эпизод, конечно, выглядит очень странно на фоне того страшного мата, который несется с экранов!

Еще за одно обстоятельство я благодарен Екатерине Алексеевне по сей день. До 1970 года, когда вышел мой фильм «Посол Советского Союза», имевший большой успех, я жил в отчаянном положении: у нас с женой и мамой была маленькая, невероятно неудобная квартира. Я обратился с просьбой к Екатерине Алексеевне, она, в свою очередь, обратилась в Совет Министров, и я получил квартиру в их ведомственном доме, в котором живу до сих пор.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ДОРОНИНУ

Мне в руки случайно попала пьеса Александра Володина «Старшая сестра», и я очень захотел снять фильм, тем более что денег на нее нужно было немного — действие происходит практически в одной комнате. К моей затее отнеслись полупрохладно, но все-таки запустили. Я начал подбирать актеров, поехал в Ленинград, чтобы походить по театрам. Естественно, пошел в БДТ и увидел там необыкновенную, потрясающую, красивую Татьяну Доронинову. В Москве тогда ее еще не знали. Я ей предложил сниматься у меня, она согласилась. В Театре Ленинского комсомола я увидел Наташу Тенькову, пригласил и ее. Обе актрисы поразили меня ярко выраженной неповторимой индивидуальностью. Я снял пробы, они меня вполне устраивали; слово было за художественным советом. Что там началось! Татьяна Доронинова, может, и хорошая актриса, но то, что ей кино противопоказано, это определено. Говорит тихо, как-то вкрадчиво, ведет себя странно и пр. Приговор — не годится. Наташа Тенькова... Во ВГИКе ведь преподавали технику речи, как вы можете брать актрису, у которой полон рот каши? Зачем вам Жаров, он же будет вас слушать! Будьте скромнее, пригласите какого-нибудь пожилого актера. И так далее. Не утвердили нико-

Рабочий момент съемок фильма «Все остается людям». Сидят Николай Черкасов и София Пилевская, стоят Самуил Алешин и Георгий Натансон.

Лишь по прошествии лет ему разрешили снять «Жизнь в цвету», на которой я работал с ним. Фильм пошел на просмотр Сталину, и он его разгромил. Он не стал приглашать к себе Довженко, все передал через председателя Госкино Большакова: необходима картина, поддерживающая академика Лысенко в его борьбе со лжеучеными. Сталин переименовал фильм в «Мичурин», указал конкретные эпизоды, которые должны были быть вырезаны. Я как-то пришел к Александру Петровичу домой, меня встретила его жена Юлия Ипполитовна (Солнцева): «Жора, успокойте его». Я вошел в комнату, на кровати лежал Александр Петрович и рыдал. Я, как мог, пытался его утешить. Картина была жутковатая: переломной рыдал талантливый, красивейший, гордый человек!

КОНСТАНТИН ЮДИН: ЛЮДИ — ЛОШАДИ

По окончании работы над «Мичуриним» (а длилась она почти пять лет) Довженко рекомендовал меня Константину Константиновичу Юдину, постановщику всем известного фильма «Сердца четырех». Он приступил к съемкам фильма «Смелые люди», рассказывающего о наших героях-подпольщиках. Нам была нужна красивая актриса, мы просмотрели массу претенденток — никого подходящего. Я предложил Юдину: давайте я поеду в Киев, там много красивых женщин.

зять, кто ей сделал аборт. В результате ей вынесли лишь общественное порицание, и Тамара снялась в фильме.

Инициатором создания этого фильма был Сталин. Однажды, посмотрев американский фильм про ковбоев, он спросил Большакова: «А почему мы не снимаем фильмы «люди — лошади»?». Вскоре Эрдман и Вольпин написали сценарий, и мы уехали в Кисловодск на съемки.

После того как мы отправили первый материал в Москву, пришла телеграмма от Большакова: Юдина срочно вызывали в Москву. Чтобы не простаивать, он велел мне снимать намеченные эпизоды. Самостоятельная работа в большой картине с Сергеем Гурзо, который был уже лауреатом Сталинской премии и любимцем всех женщин! Я был просто потрясен!

Вдруг приходит телеграмма, чтобы я оставил съемки и приехал в Москву. По приезде я сразу же пошел к Юдину и застал картину: Константин Константинович лежит на диване и рыдает. Оказывается, Большакову не понравился первый материал, и он решил снять Юдина с картины. Сам Сталин ждал фильм, поэтому Большаков перестраховывался. За Юдина вступились несколько крупных режиссеров, среди которых был и Эйзенштейн. Его оставили на картине, но в качестве художественного руководителя назначили Сергея Юткевича. Мы уехали снимать, Ютке-

Александр Довженко (справа) на съемках фильма «Жизнь в цвету».

Уже после того как Черкасов сыграл Ивана Грозного, Александра Невского и пр., появился фильм, где он играет дворника. Сталин посмотрел эту картину, вызвал Черкасова и сказал: «Товарищ Черкасов, кто вас заставил сыграть в этой средней картине роль дворника?» Тот отвечает: «Никто, товарищ Сталин». Сталин ему: «Вы, товарищ Черкасов, сыграли Ивана Грозного — великого русского царя. Люди поверили, что вы — Иван Грозный. Как вы могли согласиться на роль дворника? Кто вас заставил?» Черкасову долго пришлось практически спасать режиссера, убеждая Сталина в своей доброй воле, потому что тот был уверен в коварном замысле...

места действия, кроме как захламленный Старый Арбат, не могли найти? Ведь мы построили Новый Арбат! А у вас белье развешено, как в итальянских картинах. И потом, у вас с экрана ругаются, а это картина для молодежи!» Я спрашиваю: «Где же там ругательства, Екатерина Алексеевна?» — «Ну как же: «Все Фирмы и Веры — дуры без меры!» В школах сразу этих девчонок станут называть дурами! Я у вас картину не приму». Я стал с ней спорить. Она говорит: «Хорошо, вызовите товарища Павлова» (это тогдашний первый секретарь ЦК комсомола). Через некоторое время приезжает Павлов — крепкий розовощекий молодой человек. Он посмотрел картину, ска-

Надо сказать, что я был очень признателен Тане за то, что своим мнением она ни с кем из актеров не поделилась, мы продолжали работать. Через пару дней она подошла ко мне и сказала, что хотела бы показать материал одной умной женщине, которой она очень доверяет. Мне было уже все равно. Пришла маленькая худенькая женщина, с ней был рыжеватый крепыш с фигурой борца. Мы посмотрели материал. Женщина обратилась к Дорониновой: «Таня, это гениально!» Я подумал, что она говорит с иронией, имея в виду другое слово на букву «р». Но она продолжала: «Не дай вам бог что-то менять. Как вы велите картину, так и продолжайте!» Она говорила еще много, крепыш сказал всего лишь, что картина получилась хорошая... Это была мама Эдварда Радзинского и он сам. Они очень поддерживали меня.

Фильм мы сдали легко. Успех был огромный, очереди в кинотеатрах. Его отправили на декаду советского кино в Италию, там Доронинова произвела просто фурор, ее называли и новой кинозвездой, и русской секс-бомбой. История со «Старшей сестрой» закончилась благополучно. А потом был фильм по пьесе Элика Радзинского «Еще раз про любовь», который окончательно закрепил за Таней Дорониновой заслуженный ею статус кинозвезды. ■

Записал Сергей ШАПОВАЛ